

щенности православія съ политическими, культурными, бытовыми формами стараго времени. Не считать идеаломъ православія реставрацію старины, и найти въ немъ источникъ свободы для творческаго отбора въ старыхъ сокровищахъ, для творческаго созиданія новой жизни. Вторая — въ извѣстной степени противоположная слабость — это индивидуализмъ личнаго религіознаго пути. Для отрѣшеннаго, погруженнаго въ собственный миръ строя души, не возникаетъ и проблемъ національной культуры, да и культуры вообще. Какъ первая школа духовной жизни, эта замкнутость души можетъ быть законной, необходимой. Какъ традиція, какъ стиль цѣлаго поколѣнія — это уже нѣкое уродство, становящееся національной пассивностью. Въ обстановкѣ русской трагедіи, въ нашъ грозный историческій часъ, это направленіе (какъ направленіе) свидѣтельствуетъ просто о недоразвитіи христіанской совѣсти.

Если мы въ эмиграціи — и поскольку наши братья въ Россіи — преодолѣемъ въ себѣ эти слабости, эти болѣзни роста,

то главное дѣло русскаго національнаго возрожденія — уже слѣдано. Ибо жизненность и крѣпость русскаго религіознаго возрожденія русской церкви, не подлежитъ сомнѣнію. Въ ней, въ русской церкви дано живое средоточіе нашей національной работы, источникъ вдохновляющихъ ея силъ. Но нужно помнить, что для этой работы необходима сложная, опосредственная трансмиссія этихъ духовныхъ силъ, что въ дѣлѣ національнаго возрожденія участвуютъ: церковь, культура, государство. И здѣсь я останавливался преимущественно на второмъ членѣ, наиболѣе угрожаемомъ и наиболѣе сложномъ, связующемъ дѣйствіе силъ духовныхъ съ механизмомъ соціальныхъ потребностей.

На вопросъ, поставленный въ заглавіи настоящей статьи: «Будетъ ли существовать Россія?» я не могу отвѣтить простымъ успокоительнымъ «будетъ!» Я отвѣчаю: «Это зависитъ отъ насъ. Буди! Буди!».

Г. Федотовъ.

Парижъ.

Церковь и реакція.

Въ кругахъ русскаго общества, враждебныхъ или просто чуждыхъ Церкви, существуетъ несомнѣнная тревога въ связи съ тѣмъ новымъ отношеніемъ интеллигенціи къ Церкви, которое наблюдается въ послѣднее время. Если бы дѣло шло только объ усиленіи или возрожденіи внутренней религіозной настроенности, это могли бы въ насъ понять, это намъ, если угодно, **простили бы** и даже были бы готовы дать возможно больше свободы, чтобы не задѣть религіозныхъ переживаній и не стѣснять ихъ выраже-

нія. Но тревога возникаетъ потому, что кромѣ этого, чисто внутренняго расщѣпа религіозной жизни приходится констатировать глубокой **идейный переломъ**, въ которомъ Церкви отводится столь значительное мѣсто, что раздаются рѣчи о возвращеніи къ церковной культурѣ, объ очерковленіи всей жизни, о возвратѣ къ «новому средневѣковью». Этотъ идейный переломъ не просто отодвигаетъ или по новому освѣщаетъ основы современнаго міросозерцанія, но имѣетъ тенденцію, имѣетъ силу совер-

шенно устранять эти, казалось, неизбежные положения. Достижения послѣднихъ трехъ вѣковъ, съ которыми такъ сплелась еще недавняя культурная психология, поблекли во многомъ, такъ что мы имѣемъ нынѣ дѣло не съ поэтическимъ культомъ далекаго прошлаго, какъ это было въ эпоху романтизма, а со свѣжей, творческой и смѣлой попыткой вернуться къ поставленію Церкви въ основу всего міропониманія всей жизни. Церковь, которая въ глазахъ многихъ была обречена на все большее потускнѣніе и ослабленіе, оказалась въ самомъ центрѣ новой творческой психологии, оказалась безцѣннымъ и неистощимымъ источникомъ духовнаго и жизненнаго возрожденія. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что сила вліянія Церкви, ея авторитетъ и цѣнность возрасли до такой степени, которая кажется просто невѣроятной, сравнительно съ тѣмъ, что было 20-30 лѣтъ назадъ. А между тѣмъ, активность Церкви, пребывавшей раньше въ вынужденномъ покоѣ, только начинается нынѣ; для всякаго безпристрастнаго наблюдателя ясно, что за этимъ началомъ должно ожидать небывалаго расцвѣта силы Церкви. Особенно тревожно для чуждыхъ всему этому людей то, что молодежь захвачена этимъ движеніемъ церковности, которая проникаетъ до самой глубины души и создаетъ невиданныя раньше картины жизни. Наше Движеніе, въ которомъ надо видѣть лишь часть этого могучаго и все разрастающагося процесса, убѣдительно свидѣлствуетъ, что возвращеніе къ Церкви опредѣляется не усталостью, не духовной надломленностью, а, наоборотъ, знаменуетъ такой глубокой расцвѣтъ духовныхъ силъ, жизненнаго энтузіазма, противъ котораго не только ничего нельзя сказать, но передъ которымъ только можно склониться съ любовью и уваженіемъ.

Придетъ или не придетъ эпоха церков-

ной культуры, какъ объ этомъ мы молимся и къ чему готовимся, — зависитъ не отъ насъ — это тайна исторіи, тайна грядущаго дня, въ которую намъ не дано проникнуть. Но мы знаемъ твердо и убѣжденно, что мы не отойдемъ отъ найденной истины, что путь церковной культуры есть для насъ единственный путь, въ которомъ можно видѣть правду. И если бы защитниковъ этой идеи было совсемъ мало, если бы исторія сурово отнеслась къ нашей «утопіи», то отъ этого не только не затемнится истина Церкви для насъ, но лишь еще ярче засіяетъ на темномъ фонѣ современности. Впрочемъ, есть не мало данныхъ, говорящихъ за то, что мы вступили дѣйствительно въ новую эпоху. Духовный кризисъ предыдущей эпохи (длившейся три-четыре вѣка) достигъ той точки, дальше которой идти некуда; потребность цѣлостной культуры, (а таковой можетъ быть только религіозная культура) возросла тоже чрезвычайно. И мы видимъ во всемъ мірѣ такое накопленіе религіозной энергии, такой ростъ религіозныхъ вопросовъ, что отрицать симптоматическое значеніе этого очень трудно.

Но тутъ то и хотятъ насъ смутить тѣ, кто чужды Церкви, кто готовъ дать полный просторъ внутренней религіозности, но не хочетъ мириться съ идеей возврата къ церковной культурѣ. «То, что вы защищаете, — говорятъ намъ, — ведетъ насъ къ реакціи, къ такому мракобѣсію, къ такой варваризаціи, которая будетъ означать глубокое паденіе» Здѣсь упоминаютъ и средневѣковую инквизицію, стѣсненіе свободы мысли, слова, и религіозныя войны и т. д. Дѣло представляется такъ, что вмѣсто того чисто духовнаго, свѣтлаго очищенія жизни, котораго могла бы дать внутренняя религіозность, мы идемъ навстрѣчу, если не клерикализму, не теократіи, то во всякомъ случаѣ, — такому порядку, при

которомъ Церкви снова хотятъ отвести доминирующее мѣсто и при которомъ должна исчезнуть и свобода изслѣдованія, и свобода личности въ ея жизни, т. е. должна наступить глубокая и мрачная реакція. Не противъ Церкви направлена эта трѣвога, а противъ «оцерковленія» жизни, противъ мысли о вліяніи Церкви на жизнь, на культуру, противъ возврата къ «осужденной исторіей» системѣ теократіи.

У страха глаза велики, — говоритъ половица. Несомнѣнно и здѣсь есть много преувеличеній — хотя бы по одному тому, что нельзя надолго отнять свободу того, кто съ нею сжился, нельзя вернуть міръ къ примитивнымъ формамъ, если онъ ихъ переросъ. Когда говорятъ о «новомъ средневѣковьи», то какъ то забываютъ, что средневѣковье здѣсь берется лишь какъ **типъ** культуры, что оно не напрасно характеризуется какъ **новое** средневѣковье. Идея церковной культуры, кромѣ очень немногихъ и невліятельныхъ исключеній, мыслится не какъ ограниченіе и стѣсненіе культурнаго творчества, а какъ та **правда**, на которой и съ кѣторой можно выйти изъ тупиковъ современности. Какъ то забываютъ о мучительномъ, прямо невыносимомъ **бремени** современности, во всѣхъ ея противорѣчіяхъ, уродствахъ, крайностяхъ. Свобода дорога всѣмъ, внѣ свободы просто немислимо сейчасъ работать. Проблема религіозной эпохи, какъ разъ и состоитъ въ томъ, чтобы дать синтезъ свободы и правды, творчества и церковной традиціи. Не о томъ дѣло идетъ, чтобы запереть въ тюрьму современнаго человѣка, чтобы отсѣчь у него крылья, духовно связать его и принудительно держать его въ Церкви, а въ томъ, чтобы показать не на словахъ, а въ самой жизни — что утерянная и забытая правда жизни можетъ быть найдена лишь въ Церкви, которая должна стать носителемъ силы

и истины, источникомъ подлиннаго творчества и преображенія жизни.

Мы идемъ къ эпохѣ церковной культуры, но въ атмосферѣ свободы, а не стѣсненіи; на путяхъ творчества, а не простого повторенія прошлаго. Страхъ о томъ, что творчество Церкви приведетъ насъ къ мракобѣсію, къ реакціи, кромѣ историческихъ (и то очень скользкихъ) параллелей, не имѣютъ подъ собой никакихъ основаній. Опровергать поэтому то, что торжество Церкви вовсе не знаменуетъ реакціи, просто не приходится бы, если бы не одно обстоятельство, мимо котораго нельзя пройти. Дѣло въ томъ, что **сама реакція съ ея мракобѣсными замыслами мести и стѣсненія свободы укрывается подъ сѣнью Церкви.** Этого факта нисколько не приходится замалчивать, но смыслъ его совершенно не тотъ, какъ обычно думаютъ. Церковь дышетъ свободой, внѣ свободы уже нѣтъ христіанства, ждущаго отъ насъ полнаго, отъ глубины сердца, свободнаго обращенія къ Богу. Но мы, будучи въ Церкви (а не сама Церковь), мы несемъ въ нее и свои страсти и свои навыки, мы отъ имени Церкви говоримъ и дѣлаемъ то, что не только не соответствуетъ ея истинѣ, но даже и противорѣчитъ ей. Ничто такъ не характеризуетъ возросшей силы Церкви, какъ то, что за ея имя держатся люди и теченія, менѣе всего заинтересованные въ торжествѣ правды Христовой на землѣ. Церковь, внѣ мистической своей жизни **исторически живеть** въ насъ; отъ насъ зависитъ, черезъ насъ осуществляется историческое дѣйствіе Церкви. Она Богочеловѣчна — тамъ, Господь съ нами, но не все въ Церкви фактически становится Богочеловѣчнымъ. Намъ чужда вся догматическая система, коренящаяся въ принципѣ **ex opere operato**; мы знаемъ, что не разъ въ исторіи Церкви тамъ, гдѣ внѣшне обстояло все совершенно «церковно», не было

Божіей благодати, не было Богочеловѣческой тайны, а было лишь «человѣческое, слишкомъ человѣческое». Особенно это видно на исторіи соборовъ. Намъ, православнымъ, совершенно чуждо формально юридическое трактованіе соборности, которое мы находимъ въ католичествѣ и которое завершилось въ немъ Ватиканскимъ догматомъ. Церковь есть Богочеловѣческой организмъ, но не все, что находится и что происходитъ въ этомъ организмѣ — органично. Не формальная включенность въ Церковь сообщаетъ намъ ея силу, а фактическое дѣйствіе благодати Божіей, котораго смиренно должны искать. И какъ могутъ быть — и были соборы, которые формально были совершенно каноничны, но на которыхъ не почилла благодать Божія, и которые въ рецепціи церковнаго народа были отвергнуты, какъ не подлинныя соборы, такъ вообще не все, что дѣлается отъ имени или во имя Церкви, церковно. Такъ именно и проникають въ ограду Церкви страсти и чуждыя Церкви силы, такъ насилуется правда Церковная и искажается ея духъ. Это горько и трагично, но таковъ путь Церкви черезъ исторію: не механически, не волшебнымъ образомъ она плотъ исторіи, а черезъ насъ, черезъ одухотвореніе и очищеніе нашего внутренняго міра. Такова философія исторіи въ православіи — и даже при такомъ схематическомъ ея изложеніи ясно, насколько глубоко она связана съ темой свободы. Именно Церковь ищетъ свободы и требуетъ свободы, и если, во имя церковности, намъ навязываютъ режимъ реакціи и стѣсненія, то не будемъ смущаться этимъ. Признаемъ даже больше: для части церковнаго общества, духовно закаменѣвшаго въ опредѣленныхъ политическихъ и бытовыхъ воззрѣніяхъ, возвратъ къ идеѣ церковной культуры есть, конечно, теократическій (въ средневѣковомъ смыслѣ слова) лозунгъ. И

если эта группа людей получитъ, хотя бы на время, вліяніе въ церковной іерархіи, она внесетъ не мало тяжкаго въ церковную жизнь и въ историческій процессъ. Но никакія искаженія, никакія временныя и частичныя извращенія подлиннаго духа Церкви Христовой не могутъ ослабить правды Церкви. Исторія Церкви знаетъ не мало темныхъ полосъ въ историческомъ спектрѣ своемъ, но отъ этихъ темныхъ полосъ лишь ярче и безспорнѣе сияють красота и правда Церкви. Реакціонныя силы церковнаго общества могутъ получить, на то или иное время, господство въ церковной іерархіи, но Церковь знала худшія и опаснѣйшія искаженія — искаженія самаго ученія Церкви, истины ея (ереси) — и все же не только ихъ преодолѣла, но и укрѣпилась въ борьбѣ съ ними.

Двѣ основныя опасности стоятъ передъ церковнымъ обществомъ; мы ихъ называемъ опасностями, исходя изъ **чисто церковной** точки зрѣнія, а не изъ боязни реакціи. Первая опасность заключается въ смѣшеніи церковнаго и политическаго начала въ путяхъ историческаго дѣйствованія. Когда начинаютъ **подмѣнять** церковную точку зрѣнія какой угодно, даже самой возвышенной утопіей политическаго характера, когда отъ имени Церкви начинаютъ строить политическія программы и покрывать авторитетомъ Церкви то, что не имѣетъ отношенія къ Церкви (будетъ ли то лѣвая или правая, или вообще любая политическая программа), тогда передъ нами — огромная опасность затемненія церковнаго сознанія и подмѣны ея вѣчной правды переходящими злободневными построеніями. Во имя чистоты Церкви мы должны, мы будемъ бороться противъ такого смѣшенія. Мы готовы признать, что эта опасность велика, что она реальна, но есть только одна возможность бороться съ нею — это ростъ церковнаго просвѣщенія, раз-

вигіе церковнаго сознанія. Внѣшнія формы борьбы съ указанной опасностью могутъ имѣть самое фатальное вліяніе, усиливая ее.

Другая опасность, которая тоже нависла надъ русскимъ церковнымъ обществомъ, это **недостаточно ясное различіе іерархіи цѣнностей**, неосознанность принципа **примата Церкви**. Часто, увы — даже очень часто, тѣ, кто говорятъ и даже дѣйствуютъ во имя или отъ имени Церкви, превращаютъ Церковь въ силу или орудіе для иной (хотя бы и высокой) цѣли — напр., для спасенія нашей родины. Искать въ этомъ святомъ дѣлѣ помощи Церкви — не только наше право, но и нашъ долгъ, но это не даетъ ни малѣйшаго основанія ставить Церковь ниже какого-либо преходящаго, хотя бы и очень высокаго начала. Примать Церкви принципиально отвергаютъ наши позитивные политики, которые, отводя Церкви большое мѣсто въ жизни, все же суррепта lex считаютъ интересы историческаго развитія родины. Но фактически не мало членовъ церковнаго общества тоже глядятъ на Церковь утилитарно и подчиняютъ ее интересамъ момента. Я не привожу примѣровъ, ихъ достаточно дала наша эмигрантская жизнь. Люди, внѣшніе Церкви, боятся этого съ политической точки зрѣнія, а мы боремся съ этимъ во имя ея подлинной неизмѣнной правды.

Я не склоненъ отрицать возможность реакціи при содѣйствіи той или иной части церковнаго общества. Мало этого: въ Церкви, какъ таковой, реакціонныя силы имѣютъ такое же право дѣйство-

вать, какъ и чисто церковныя. У насъ въ Православіи, по милости Божіей, не забыто благовѣстіе свободы, и мы понимаемъ, что путь Церкви черезъ исторію идетъ черезъ искушенія, паденія, подмѣны и поддѣлки, освобожденіе отъ которыхъ лежитъ не въ цензурѣ, не на путяхъ внѣшне юридическихъ (какъ въ теоріи латизма), а въ живой работѣ подлинно церковныхъ силъ, которыя черезъ Божію помощь, творятъ Богочеловѣческое дѣло на землѣ, утверждаютъ вѣчное и подлинное среди измѣнчиваго и мнимаго. Именно въ силу этого мы не склонны отрицать **возможность** реакціи при содѣйствіи нѣкоторыхъ церковныхъ круговъ. Но мы категорически протестуемъ противъ отождествленія этихъ церковныхъ круговъ съ самой Церковью, мало этого: мы ихъ не боимся. Господь больше, чѣмъ когда-либо, ищетъ нынѣ чистыхъ сердець, которые не смѣшиваютъ Церкви съ политикой, правды вѣчной съ правдой земной, которые не отдають Церкви на службу временнымъ историческимъ цѣлямъ, но, наоборотъ, ищутъ церковныхъ путей для разрѣшенія этихъ задачъ. Церковь сама есть хранилище свободы, просвѣщенія; кто ищетъ въ Церкви правды, тотъ лишь глубже проникается духомъ подлинной свободы и не можетъ ити путемъ одного внѣшняго дѣланія, тотъ не знаетъ всего высшаго, какъ всецѣлое просвѣщеніе, въ свѣтѣ котораго правда Божія засіяетъ лишь ярче и полнѣе.

В. В. Зѣньковскій